

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

УДК 327.8 (55)

ВЛИЯНИЕ ИРАНСКИХ ЭЛИТ НА СИТУАЦИЮ ВОКРУГ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ

© 2013 г.

Ю.В. Свешникова

Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики, Москва

svjul5@mail.ru

Поступила в редакцию 14.02.2013

Исследуются взаимосвязи системы иранской власти и иранской ядерной программы. При этом рассматривается лишь один аспект проблемы, а именно – влияние различных элит на общую позицию Ирана по ядерному вопросу.

Ключевые слова: Ахмадинежад, ДНЯО, Иран, иранская ядерная программа, Корпус стражей исламской революции, МАГАТЭ, Хаменеи, ядерное нераспространение.

Развитие событий в последние годы показало ошибочность представлений о необратимости процесса интеграции Ирана в международное сообщество, которые возникли в период президентства М. Хатами [1]. Как выяснилось, какая-то из политических групп может обернуть интеграцию вспять, и ни консервативное духовенство, ни тем более Корпус стражей исламской революции (КСИР) не сдадут своих позиций, в особенности на фоне ядерного кризиса. Прогнозы о международной интеграции Ирана изменились с момента прихода на президентский пост М. Ахмадинежада, но скорее не благодаря его непримиримому имиджу, а тому, что его привела к власти ситуация вокруг ядерной программы и желание духовной элиты видеть на этом посту отражение ее собственных, жестких, взглядов. На парламентских выборах 2004 г. 75% мест досталось консерваторам, они же лидировали на выборах 2012 г. Стабильно сохранялась непримиримая позиция в отношении Израиля и процесса ближневосточного урегулирования, принципиальных изменений в налаживании ирано-американских отношений тоже не произошло.

Иранские консерваторы по-прежнему выступают за поддержку таких групп, как Хезболла, ХАМАС, Палестинский исламский джихад, за срыв ближневосточного мирного процесса. Ортодоксальная часть духовенства поддерживает антиамериканскую и антиизраильскую политику и развитие ядерной программы, настаивает

на полном сохранении текущего положения и конфронтационной позиции по отношению к Западу. Иначе проникновение западных веяний может разрушить единство нации и сбить молодежь с «пути имама» и исламской республики [2, с. 8]. С точки зрения ортодоксов, модернизация в любом ее проявлении имеет отрицательную коннотацию, это она низводит человека с уровня божественного творения до простого биологического феномена [3, с. 5].

Прагматики также публично занимают антиизраильскую позицию, видя в этом средство завоевания внутрирегиональной поддержки. Но у них другая цель – они, в отличие от консерваторов, гораздо менее заинтересованы в экспорте исламской революции и соблюдении исламских норм, чем в расширении иранского влияния. Ядерный «тупик» мешает им распространять это влияние. Но при сильном влиянии старого поколения духовенства ждать серьезных перемен и уступок от Ирана на этом направлении не стоит.

Соотношение различных сил в процессе принятия решений

В технической части решения по ядерной программе принимаются Организацией по атомной энергии Ирана, глава которой также является вице-президентом. На данный момент эту должность занимает Ферейдун Аббаси Давани, его предшественником был нынешний

министр иностранных дел Али Акбар Салехи. Дипломатические рычаги находятся в руках Высшего совета национальной безопасности (ВСНБ), главой которого является президент. Министерство иностранных дел играет здесь второстепенную роль. Но избрание политической линии в отношении ядерного вопроса, равно как и определение всей внешней политики, находится в руках рахбара. Характерной чертой иранского внешнеполитического наследия времен Хомейни является то, что предписания духовного лидера стоят выше закона, они есть право. «Аятолла Хомейни как основатель Исламской Республики давал окончательную оценку по различным вопросам принятия внешнеполитических решений. Некоторые из них были прямыми указаниями к действию правительству в то время и стали частью иранской внешней политики... Аятолла Хомейни никогда не указывал, находятся ли его решения в рамках Конституции, и никто открыто не соотносил его решения с конституционными нормами. Большинство решений, принятых Хомейни, создали прецедент и устойчивую традицию, которая сегодня не может быть легко или, по меньшей мере, немедленно устранена или изменена» [4, с. 9–10]. Поэтому сила решений духовного лидера велика и сейчас, меджлис или даже президент не имеют такого влияния на определение политики в отношении ядерной программы. Поэтому в ядерном вопросе присутствует некоторая стабильность, несмотря на смену президентов и других должностных лиц [5]. В интервью Newsweek в ноябре 2007 г. бывший заместитель министра иностранных дел Садек Харрази заявил о том, что, даже если иранская внутренняя политика может быть распределена между несколькими субъектами, политика внешняя крайне централизована и сходитя в одной личности – Али Хаменеи [6, с. 3]. Стабильность по ядерному вопросу, равно как и в отношении всей остальной политики, может пошатнуться с уходом со сцены нынешнего духовного лидера. Но как уже было сказано, политическая система обладает большим зарядом прочности. И хотя нынешний духовный лидер серьезно уступает основателю исламской республики имаму Хомейни в легитимности, система сама по себе будет стремиться к сохранению, а значит, велика вероятность прихода другого духовного лидера с аналогично жесткой позицией по ядерной программе. Ю. Мотовилов придерживается позиции О. Рой по поводу того, что внутриполитические изменения в Иране вряд ли приведут к изменению внешнеполитического курса, в частности, что касается стремления к обладанию ядерными технологиями [7, с. 76].

В то же время фракционизм иранской политики делает стратегию решения иранской ядерной проблемы довольно расщепленной. Несмотря на то что окончательное решение по внешнеполитическим вопросам принимает духовный лидер, он тоже нуждается в примирении элит между собой и с принятым решением. Поэтому для дипломатического решения взаимодействия только лишь с духовным лидером недостаточно. Как раз такую диверсифицированную стратегию предпринимали Турция (а возможно и в рамках своей стратегии «нулевого уровня проблем с соседями») и Бразилия в процессе заключения сделки по вывозу НОУ из Ирана – взаимодействуя с разными центрами власти: духовным лидером, меджлисом, различными политическими группами. Это послужило консолидации позиций внутри Ирана и, в конечном счете, подписанию Тегеранской декларации 2010 г. между Ираном, Бразилией и Турцией [8, с. 8; 9, с. 324]. Правда, все равно никакого «прорыва» в урегулировании кризиса не произошло.

На внешнюю политику Ирана, а значит, и на позицию в переговорном процессе оказывает влияние и столкновение старой революционной элиты и более молодых политиков – в лице Хаменеи и Ахмадинежада, соответственно. Эта борьба повышает непредсказуемость иранской политики. Дипломатическое решение вопроса затрудняет, с одной стороны, нежелание политических групп, включая аятоллу Хаменеи, отдать конкурентам очки за примирение с США и экономические послабления, которые Иран может в этом случае получить. Поэтому каждая группа будет стремиться предотвратить заключение знаковой сделки другой группой. С другой стороны, оно затрудняется тем, что посредники с иранской стороны, участвующие в переговорном процессе, должны быть близки к духовному лидеру, чтобы обладать необходимыми полномочиями. Но их приближенность лишает духовного лидера статуса находящегося как бы над борьбой различных фракций, статуса, который уже был поколеблен противоречивыми действиями Али Хаменеи после президентских выборов 2009 г. Поэтому отдавать право кому-либо зарабатывать политические дивиденды на ядерном вопросе лидер должен так, чтобы не допустить чрезмерного усиления одной из групп.

Иранская дискуссия о ядерных амбициях

Несмотря на доминирование консерваторов в иранской внутренней политике, дискуссия о целесообразности избранной позиции по поводу

обогащения урана не отменяется. Например, 10 июля 2012 г. реформистский политик Абдулла Нури, министр внутренних дел времен президентства Рафсанджани и Хатами, известный тесными связями с аятоллой Хомейни, предложил устроить референдум о судьбе иранской ядерной программы. Нури неоднократно высказывался по поводу того, что Иран не может пожертвовать национальными интересами, упорствуя в единственном вопросе. Его предложение было озвучено вскоре после появления на сайте государственного телеканала IRINN результатов опроса (которые довольно скоро были стерты), где 60% иранцев высказались за приостановку ядерной программы, независимо от того, о мирной или военной компоненте идет речь [10].

В апреле 2012 г., накануне стамбульского раунда переговоров по иранской ядерной программе, Рафсанджани предложил восстановить отношения с США. Однако, по свидетельству начальника Генштаба вооруженных сил Ирана генерала Сейед Хасана Фирузабади, аятолла Хаменеи даже не комментировал это предложение [11]. Нежелание рахбара прокомментировать предложение Рафсанджани могло иметь внешнеполитический расчет – подать сигнал о том, что в иранских политических элитах все-таки имеет место конструктивная дискуссия о смене курса. Но также и внутривнутриполитический – убедить народ страны в том, что Иран продолжает следовать устоявшемуся конфронтационному курсу с США.

Речь Хаменеи в августе 2012 г. по случаю годовщины рождения второго шиитского имама Хасана выглядела смутным предвестником смягчения позиции по ядерному вопросу [12]. Чаще иранцы вспоминают третьего имама – Хусейна, который призывал активно бороться против нечестивых правителей и принял мученическую смерть в борьбе. В то время, как его брат Хасан призывал быть гибкими во взаимодействии с врагом и говорил о важности сохранения мира. За год до этого Рафсанджани уже поднимал тему невнимания к Хасану в противовес его брату Хусейну [13]. И в 2012 г. сайт аятоллы Хаменеи вновь опубликовал речь рахбара, датированную 1389 г. (2010 г.) о преимуществе мирной позиции, которую занимал Хасан [14]. Хаменеи также обратился к недавней истории своего предшественника, аятоллы Хомейни, о принятии резолюции № 598 СБ ООН о прекращении войны с Ираком, когда страна не могла по экономическим причинам позволить себе продолжать войну. Возможно, что это является предвестником смягчения позиции духовного лидера в отношении ядерной программы и его попыткой подготовить к этому широкую общественность и свое окружение. Если

имам Хомейни согласился принять мир в той ситуации, то и отказаться от ядерной программы, даже, может, от обогащения урана до 20%, – не так уж и страшно, как бы говорит это послание. Однако на момент принятия Хомейни решения о прекращении огня, Рафсанджани и Мусави удалось собрать довольно большую группу реформистов в правящей элите, убедивших имама согласиться с окончанием войны с Ираком. На данный же момент элита более представлена консервативными политиками и духовными лицами [15, с. 6], поэтому примирить консерваторов с изменением позиции будет сложнее.

Смягчение позиции может быть связано отчасти с тем экономическим давлением, которое оказали на Иран санкции США и ЕС, отчасти – с шатким положением союзника Ирана – алавитского режима в Сирии. Так, это может выглядеть как попытка подготовить общественное мнение, чтобы «сохранить лицо», если правительство пойдет на уступки по ядерному вопросу. 14 июля 2012 г. представитель духовного лидера в КСИР Али Саиди заметил, что иранское руководство находится сейчас в позиции, схожей с той, в которой был первый шиитский имам Али. Али мог победить Муавию ибн абу Суфьяна, но пошел на заключение мира из-за советов своих слабых друзей. Поэтому необходимо вдохновлять людей на терпение в текущей ситуации, не сдаваться [16]. Значит, дискуссия о возможном отказе от обогащения урана беспокоит консервативное крыло, настаивающее на сохранении курса. Важно, сумеет ли Хаменеи консолидировать позиции при существующем разнообразии мнений, если действительно примет решение пойти на уступки.

Напомню, что шииты, в отличие от суннитов, следуют принципу *такийя*, что означает дозволенность сокрытия правды во спасение [17, 16:106], хотя в большей степени это относится к сокрытию своей религиозной принадлежности. Однако после выборов 2009 г. великий аятолла Мохаммад-Таги Месбах-Язди издал фетву, в которой оправдывал фальсификацию выборов, если это позволяет сохранить исламский характер государства, гарантом которого стал Ахмадинежад [18, с. 6]. Было бы большим преувеличением экстраполировать принцип «сокрытия истины» на принятие любых политических решений, в том числе по ядерной программе. Но это обстоятельство дразнит западных переговорщиков, заставляя сомневаться в надежности того, о чем заявляет Иран.

Одним из аргументов в пользу того, что Иран не имеет планов создания ядерного оружия, является фетва аятоллы Хаменеи о том, что ядерное оружие – это *харам*, то есть запре-

щено. С другой стороны, согласно Корану, Бог ни один из способов вмешательства немусульман в дела мусульман не считает правильным. Значит, мусульманское общество не имеет права разрешить неверным определять судьбу мусульман, отношения на правах «волка и овцы» противопоказаны [19]. Императив защиты общества и государства вместе с разрешенностью скрывать информацию, если это необходимо для самозащиты, при определенных обстоятельствах окажется выше фетвы духовного лидера – если необходимо будет трактовать его подобным образом, потому что это аят Корана.

Кроме того, в этом вопросе есть еще один тонкий момент. В религиозном смысле противопоказано обладание ядерным оружием или все-таки непосредственно его применение? Али Акбар Салехи, ссылаясь на духовного лидера, утверждает, что и изготовление, и хранение ядерного оружия также запрещены [20]. Что, в общем-то, подтверждается разведанными США о том, что с 2003 г. военная компонента иранской ядерной программы не развивалась. Но повод для недоверия всегда остается.

Обобщая различные позиции по ядерному вопросу в иранском политическом дискурсе, можно, соглашаясь с Н. Хадианом, выделить несколько групп:

1. Оппоненты развития ядерной программы в Иране. Эта группа невелика и по большей части состоит из реформистов. Они утверждают, что Иран никогда не компенсирует издержки по развитию ядерной энергетики.

2. Странники развития ядерной программы. Эта наибольшая по численности группа, которая считает, что Иран должен развивать ядерную программу для снижения зависимости от нефти и повышения самодостаточности страны за счет высоких технологий. Эта группа настаивает на полном соблюдении Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и в целом отражает официальную позицию иранских властей.

3. Странники развития военной составляющей ядерной программы. Они призывают к обретению Ираном научной, технической, промышленной способности создать ядерное оружие в случае возникновения угрозы.

4. Странники выхода из Договора о нераспространении и немедленного создания ядерного оружия. Эта группа видит в нем залог выживания и процветания.

Есть, правда, и группы, которые воздерживаются от открытых комментариев по ядерному вопросу, в частности, некоторые представители консервативной элиты, но они также оказывают влияние на принятие решений в отношении ядерной программы, несмотря на то, что их позиция непублична [21, с. 115–116].

Любопытно существование в Иране воинственно настроенной школы мысли, упомянутой в категориях 3 и 4. Например, профессор Тегеранского университета А. М. Асгархани или иранский ученый А. Тарзи считают, что Исламской Республике ядерное оружие необходимо [21, с. 120; 22].

Представители третьей группы – сторонники достижения состояния, когда Иран сможет произвести ядерную бомбу в максимально короткий срок в случае необходимости, тоже вносят свою лепту в дискуссию по ядерному вопросу. Так, иранский парламентарий Голамреза Месбахи Могаддам заявил, что Иран не будет создавать бомбу и удовлетворится статусом пороговой страны, хотя и обладает достаточной способностью и знанием, чтобы производить ядерное оружие [23, с. 8; 24]. Иран, строго говоря, еще не обладает такой способностью, это забегающее вперед утверждение стоит на службе у паранациональной идеи, выкристаллизовавшейся на основе конфликтного ядерного вопроса. Но оно относится к группе сторонников сценария «5-минутной» ядерной боеспособности, когда есть технология и средства доставки, но нет самой бомбы – ее можно быстро изготовить. Получение технологии помогло бы убедить людей, что Иран не зря терпел ограничения, – теперь он может себя защитить и противостоять ядерному Израилю или США в случае необходимости. Вообще, опасность вторжения извне служит поощрением для развития военной компоненты иранской ядерной программы и стимулом для приверженности к группам 3 и 4. А публичное обсуждение иракского сценария в отношении Ирана легитимирует приобретение последним ядерного оружия как средства защиты.

Внутри иранских элит этот вариант скорее был бы примиряющим – отсутствие оружия массового уничтожения на иранской территории не давало бы Израилю стопроцентного повода нанести удар первым и обратиться к США с просьбой присоединиться к атаке, так как не было бы непосредственной угрозы. Хотя поведение Израиля в этом случае было бы достаточно непредсказуемым. А полужерный Иран – раз уж технология появилась в его руках – смог бы по-другому позиционировать себя в переговорах, все больше настаивая на необходимости его вовлечения во все региональные дела.

Связи между положением властных групп и их заинтересованностью в ядерной программе

Анализ внутривластной расстановки сил говорит о большой разрозненности позиций по ядерной программе. В данной статье презю-

мируется, что духовный лидер, КСИР, меджлис, духовная элита исходят из основополагающего принципа сохранения системы. «Более трех десятилетий истории демонстрируют, что руководители Исламской Республики, как многие лидеры где-либо еще, полностью озабочены сохранением режима и своей власти – в этой жизни, а не в будущей», – говорит представитель разведки США Поль Пиллар [25, с. 14]. Эта система позволяет удерживать власть и реализовывать экономические, политические, идеологические интересы различных групп.

Так, аятолла Хаменеи, определяющий внешнюю и внутреннюю политику страны, опирается на ядерную программу как на объединяющий для народа фактор – ориентируя людей на противостояние с обобщенным «Западом», прежде всего с США. Также иранские власти опираются на нее как на фактор завоевания лидерства в регионе. В позиционировании Ираном себя как лидера мусульманских умов региона играет роль даже сам факт отстаивания права на обогащение урана в соответствии с ДНЯО. Поэтому решение иранского руководства приступить к обогащению урана до 20% вроде бы не является вызывающим – в ситуации, когда МАГАТЭ отказалось поставить топливные стержни для Тегеранского реактора. Иранские официальные лица на переговорах всегда апеллируют к тому, что нужно лечить большое количество раковых больных, поэтому Иран будет самостоятельно обогащать уран, если ему не предоставят топливо. А согласиться на сделку на условиях, предложенных «шестеркой» международных посредников, Иран не может из опасения, что он не увидит переданный низкообогащенный уран (НОУ) даже через год, как предполагают условия сделки. Слишком плотная атмосфера недоверия укоренилась между Ираном и западными странами-посредниками, чтобы можно было бы вверить им, по сути, свой технологический прогресс, фактор региональной силы и национальную идею. Если Иран не был готов доверить свой уран России, то уж Западу, например, в соответствии с предложением, Франции – точно нет. Поэтому мотив пойти на уступки с иранской стороны может быть только один – безысходность, если несдача позиций будет угрожать существованию режима. На этот сценарий направлена комбинация опций «экономические санкции – смена режима»: в расчете на то, что измученное постоянной инфляцией, ростом цен и международной изоляцией население потребует перемен, угрожая свергнуть власть в случае бездействия. Уличные выступления 2009 г. вспыхнули по поводу возможной фальсификации выборов и вскоре

утихли, но протесты, которые могут начаться в связи с недостатком продуктов, могут выгнать народ на улицы с гораздо большей решимостью – потому что это связано с базовыми потребностями. Как будет развиваться кризис легитимности, неясно, потому что совершенно непонятно, какой реальный процент населения поддерживает продолжение ядерных разработок несмотря ни на что – по идеологическим причинам или потому, что считает, что в случае сдачи позиций страдания народа только усилятся, а какой – решительно настаивает на отказе от всех ядерных амбиций. Слишком много государственных служащих или лиц, так или иначе зависящих от государства, – тех, что обеспечивают представительство на демонстрациях в пользу правительственных решений. Если Хаменеи будет чувствовать достаточную поддержку населения по поводу ядерных амбиций, то позиция Ирана не изменится. Людей, конечно, в первую очередь беспокоит хлеб, а не бомбы. Но если их убеждать – при помощи телевидения, газет, пятничных проповедей, – что в случае сдачи урана хлеб и курица станут не дешевле, а даже, может быть, дороже, то количество сторонников линии рахбара будет больше. И конечно, если еще объяснить, что иранцы могут вновь потерять право распоряжаться собственной судьбой и национальными богатствами.

Принцип *cui prodest*¹, предполагающий анализ неочевидного переплетения отношений внутри элит и поиска рент, получаемых от продолжения ядерных разработок, показывает, что наиболее ярким сторонником сохранения ядерных амбиций – военных или нет – является Корпус стражей исламской революции. Сохранение перманентной напряженности, исходящей извне, было бы выгодно КСИР, влияние которого так усилилось в последние годы. Как уже говорилось выше, экономические санкции позволяют КСИР сохранять монополию в экономике. Это, однако, не доказывает того, что Ирану необходима ядерная бомба, но позволяет обосновать, почему Иран, где эффективно лоббируются интересы КСИР, избегает принимать предложения по урегулированию вопроса.

Корпус стражей исламской революции, как и духовная элита, стремится к сохранению системы. К сожалению, нет возможности проанализировать интересы различных групп внутри самого КСИР ввиду их непрозрачности. Ясно лишь, что низшие чины работают больше за идею и некоторый социальный статус, который дает определенные возможности, поэтому поддерживает старших. Старшие, которые контролируют большую часть экономики страны, стремятся сохранить систему, которая оправды-

вает их монополию на власть и экономику. Насколько возможен бунт внутри самого КСИР против коррумпированности высших чинов, неясно.

Президент Ахмадинежад, сам выходец из КСИР, окруживший себя своими соратниками, и несмотря на жесткую риторику о том, что, если только Иран решит овладеть ядерным оружием, это будет сделано открыто и без всякого страха, о том, что санкции – как использованный носовой платок, который только и выбросить в корзину, – казалось, в какие-то моменты был даже готов пойти на сделку с США, но успеха не добился. И не мог, потому что проявлял слишком много своей собственной инициативы. А как говорилось выше, система заточена на то, чтобы не позволять конкурирующим игрокам набирать дополнительные политические очки, тем более в таком важном вопросе – сделке по ядерному вопросу и освобождении страны от экономического давления. Ахмадинежад пытался использовать ядерную тему для успокоения волнений на улицах. Именно в разгар оппозиционных митингов, приуроченных к годовщине революции в 2010 г., он провозгласил с площади Азади, что первая партия урана, обогащенного до 20%, уже получена [26, с. 38].

Но еще большая инициативность Ахмадинежада, которую он проявил в другой области, при перестановках в правительстве, смещая с должности людей Хаменеи и назначая себя министром нефти, продвигая своего родственника и соратника националиста Рахима Машаи, подписала ему политический приговор. После раскола между рахбаром и президентом, который был освещен даже иранскими СМИ, многие консервативные клерики поспешили заявить о своей преданности Хаменеи, называя президента и его соратников «отступниками» и даже «колдунами», как, например аятолла Месбах-Язди. Попытка Ахмадинежада создать систему патронажно-клиентских связей путем назначения своих людей на ключевые посты, натолкнулась на ряд уголовных дел, заведенных против членов его команды по обвинению в коррупции. Однако Хаменеи не смог устранить Ахмадинежада совсем. Во-первых, это могло взволновать бедные слои населения, которые составляли электоральную базу Ахмадинежада. Во-вторых, это подтвердило бы подозрения о том, что режим расколот и слаб. Так что гораздо безопаснее со стороны духовного лидера, опираясь на административный ресурс, максимально лишить Ахмадинежада политической свободы. Президент остается титульной фигурой на своем посту без рычагов влияния. Часть его коман-

ды, не арестованная по обвинению в коррупции, поспешила заявить о верности духовному лидеру. Так власть вновь сконцентрировалась в руках духовного лидера, окруженного группой влиятельных представителей КСИР – система сохраняется. А президент, будь то прагматик Рафсанджани, реформатор Хатами или неоконсерватор Ахмадинежад, остается институционально слабой фигурой, не способной довести начинания любого рода – реформы или международную интеграцию путем решения ядерного вопроса – до конца.

И все-таки в связи со сменой старого поколения приверженцев и творителей революции на новое, более технократическое, хранители исламской республики более чутко задумываются о ее сохранении. Непокорность Ахмадинежада – это тревожный сигнал от нового поколения, в связи с этим стали появляться идеи вообще о замене президентской республики парламентской, которая бы позволила носителям революционных идей оберегать полноту власти и сохранять религиозный полюс власти в противовес административному. Усиление воинственной риторики со стороны США и стран ЕС тоже может поощрять дискуссию об отмене президентского поста – для ускорения процесса принятия решений в предвоенном положении. С другой стороны, перемены в государственном устройстве требуют адаптации и могут стать причиной для хотя бы краткосрочной нестабильности, которая сейчас нежелательна [27].

То, что на выборах 2012 г. в меджлис неоспоримую победу одержали консерваторы (прагматики и реформаторы были частично не допущены к участию, частично сняли свои кандидатуры, а неоконсерваторы голосов не набрали), говорит о способности консервативно-религиозной элиты удерживать рычаги управления в своих руках [28].

КСИР будет концентрироваться вокруг духовного лидера до тех пор, пока он сохраняет свою легитимность. И не только он, но и духовная элита в целом, доверие к которой подточено в связи с причастностью к коррупции и назначению духовных лиц на места, требующие экономической квалификации. Люди видят непосредственную связь между экономическими неурядицами и неграмотным управлением, исходящим от непрофессионалов из духовной среды – тех, кто доказал преданность революционным идеалам и духовному лидеру, но не обнаружил высокой компетентности. Но поскольку сам КСИР создан для того, чтобы охранять завоевания революции и исламский режим, на нем же покоится его собственная легитимность. Значит, он будет стараться поддерживать

легитимность и духовного лидера, и духовенства, которая частично покоится теперь на ядерной программе.

От ядерных амбиций отступить можно будет только в самый последний момент, когда других средств защитить режим не останется, а пока – КСИР угрожает действовать силовыми методами, например перекрыть Ормузский пролив, закрыв проход для арабской нефти и газа, а значит, грозя экономическими неурядицами Европе, переживающей экономический кризис, и арабским странам Персидского залива, вынужденным срочно искать обходные пути для доставки ресурсов в Европу. Подобные меры, в свою очередь, грозят началом полномасштабной войны, поскольку при попытке разблокировать пролив, США будут вынуждены атаковать силы КСИР.

Проведенный анализ позволяет заключить, что практически все политические игроки в Иране, за исключением маргинализированной разрозненной оппозиции, исходят из фундаментальной предпосылки – необходимо во что бы то ни стало сохранять систему. И пока сохранение ядерных амбиций служит этой цели, Иран будет отстаивать свое право вести ту политику в отношении атомных разработок, которую он избрал. И даже фракционизм политической жизни не обещает колебаний позиции Ирана по ядерному вопросу. Поэтому в данном случае цель сохранения системы должна стать конкурирующей по отношению к ядерным амбициям. Что на данный момент маловероятно, учитывая каким мощным инструментом внешней и внутренней политики Ирана стала ядерная программа. Один из возможных вариантов воздействия на ситуацию – продолжение жесткого экономико-политического давления извне, которое может спровоцировать гражданскую войну и создать угрозу системе, истощая ее ресурсы и подрывая и без того непрочную легитимность. Но анализ вариантов взаимодействия с Ираном, исходя из положения элит по ядерному вопросу, является предметом для другого исследования.

Примечание

1. От лат. – «ищи, кому выгодно».

Список литературы

1. Арсенов В. Итоги парламентских выборов в ИРИ в контексте их влияния на формирование внешнеполитического курса страны // Институт Ближнего Востока (электронный ресурс). 2004. 6 апреля. URL: www.iimes.ru/rus/stat/2004/06-04-004.htm (дата обращения: февраль 2011).

2. Мирский Г. Иран: трещина в системе // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 11.

3. The Significance of Traditional Islamic Art for the Life of Muslim Societies in the Modern World // Sophia Perennis. 2010. Summer. V. 2. № 3. Tehran: The Iranian Institute of Philosophy.

4. Roshandel J. Evolution of the Decision-Making Process In Iranian Foreign Policy (1979–1999) // Copenhagen: Copenhagen Peace Research Institute (COPRI) 1999/ № 17.

5. Интервью с депутатом меджлиса Мехди Санаи, Тегеран, сентябрь 2011 г.

6. Vatanka A. Ali Khamene'i: Iran's Most Powerful Man // The Middle East Institute Policy Brief. 2008. March. № 10.

7. Особенности выработки и осуществления региональной политики Исламской Республики Иран в условиях глобализации. Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Мотовилов Ю.В. Нижний Новгород, 2005.

8. Реутов А. В отношениях с Ираном объявлена отгрузка // Коммерсант. 2010. 18 мая. № 86.

9. Родионов О.В., Рыжов И.В. К вопросу о противоречиях Турции и стран исламского мира // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012. № 2 (1).

10. Reformist Challenges Iran's Nuclear Program // The Iran Primer (электронный ресурс) 2012. July, 13. URL: <http://iranprimer.usip.org/blog/2012/jul/13/reformist-challenges-iran%E2%80%99s-nuclear-program> (дата обращения: октябрь 2012).

11. Надеин-Раевский В. Внутриполитическая обстановка в Иране – апрель 2012 // Iran News (электронный ресурс). 2012. 15 мая. URL: http://www.iran.ru/rus/news_iran.php?act=news_by_id&_n=1&news_id=80516 (дата обращения: 20.05.2012).

12. Баянат дар дидаар-е шаэрэн дар сальруз-е миллад-е эмам хасане моджаба алайхи ассалам (Выступление перед поэтами в годовщину рождения имама Хасана) // Веб-сайт духовного лидера Ирана аятоллы Хаменеи (электронный ресурс). 14.05.1391 (4.08.2012). URL: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=20670> (дата обращения: 15.08.2012).

13. Хашеми Рафсанджани: дар эслам хадаф хар василеи ро таваджох немиконад (Хашеми Рафсанджани: в исламе не все средства хороши) // Веб-сайт духовного лидера Ирана аятоллы Хаменеи (электронный ресурс). 26.05.1390 (17.08.2011). URL: <http://old.khabaronline.ir/news-168372.aspx> (дата обращения: 15.08.2012).

14. Баянат дар дидаар-е агшар-е мохталеф-е мардом дар руз-е панздахом-е мах-е мобарак-е рамезан (Обращение к публике 15 числа благословенного месяца рамазан) // Веб-сайт духовного лидера Ирана аятоллы Хаменеи (электронный ресурс). – 22.01.1369 (11.04.1990). URL: <http://farsi.khamenei.ir/speech-content?id=2291#solh> (дата обращения: 15.08.2012).

15. Takeyh R. Iran's missing moderates // International Herald Tribune. 2012. March, 20.

16. Ма дар астане-йе фатх-е хемие моавие хастим (Мы в преддверии захвата лагеря врага) // Информационное агентство «Фарс» (электронный ресурс). 24.04.1391 (14.07.2012). URL: <http://www.irannews.com>

farsnews.com/newstext.php?nn=13910424000493 (дата обращения: 15.08.2012).

17. Коран. Перевод с арабского и комментарий М.-Н. О. Османова. СПб.: ДИЛЯ, 2010. 576 с.

18. Бенси Дж. В ожидании «сокрытого имама» // ИГ-Религии. 2009. 1 июля. Эфша-йе содур-е фетва-йе Месбах Язди дар моред-е лозом-е тагалоб дар энтехабат (Раскрытие фетвы Месбаха Язди о необходимости фальсификации результатов выборов) // Балатарин. 10.06.2012. URL: <http://balatarin.com/permlink/2009/6/10/1615149> (дата обращения: сентябрь 2012).

19. Интервью с пятничным имамом провинции Хормозган, Тегеран, август 2011 г.

20. Вице-президент Ирана: Ядерная бомба – это харам. Интервью с Али Акбаром Салехи // Время новостей. 2012. 13 апреля. № 62.

21. Saroukhanyan S. Nuclear Discourse in Iran. Advocates and Opponents of the Nuclear Program / Lessons to be Learned from Nuclear Failures and Successes. IOS Press, 2009.

22. Интервью с профессором Тегеранского университета Абу Мухаммадом Асгархани, Тегеран, ноябрь 2012 г.

23. Сурков Н. Тегерану предложат новый ядерный компромисс // Независимая газета. 2012. 19 апреля.

24. Pearse D. Iran can make nuclear weapons – but won't, says top politician // The Guardian. 2012. April, 7. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2012/apr/07/iran-can-produce-nuclear-weapons-politician>

25. Zakaria F. Another War in the Middle East? // Time. 2012. March, 19.

26. Рагозин Л., Портякова Н., Сова Е. Зеленый день календаря // Newsweek. 2010. 15–21 февраля.

27. Арзуманян Р. Иран готовится к войне? // Московские новости. 2011. 17 ноября. № 163. URL: <http://mn.ru/oped/20111117/307241477.html>

28. Сагановский Е. Выбор Ирана // Московские новости. 2012. 7 марта. URL: <http://mn.ru/opinions/20120307/312991384.html>

INFLUENCE OF IRANIAN ELITES ON THE SITUATION WITH THE NUCLEAR PROGRAM

Yu. V. Sveshnikova

The article highlights the key findings of the research of interrelation between the Iranian political system and the Iranian nuclear program. We examine only one aspect of the problem - namely, the effect of different elites on Iran's stance with regard to the nuclear issue.

Keywords: Ahmadinejad, NPT, Iran, Iranian nuclear program, Islamic Revolutionary Guard Corps, IAEA, Khamenei, nuclear non-proliferation.